

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-231-239

**«Я ИМЕЛ ПРАВО НАПИСАТЬ ОБ АВВАКУМЕ...»
ПИСЬМА В. Т. ШАЛАМОВА В. И. МАЛЫШЕВУ****(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИЙ © К. Н. ТИМАШОВА)***

Общение Варлама Тихоновича Шаламова и Владимира Ивановича Малышева, судя по сохранившимся документам, было непродолжительным и, вероятно, происходило исключительно в переписке. При реконструкции обстоятельств данного эпизода в жизни этих двух очень несхожих по судьбе и роду деятельности людей (один — ныне всемирно известный поэт и прозаик, другой — выдающийся исследователь и собиратель древнерусской литературы) мы располагаем четырьмя видами источников. Во-первых, сохранившаяся в личной библиотеке Малышева книга стихов Шаламова «Дорога и судьба»¹ с дарственной надписью автора, в которой было напечатано в сокращении и с редакторскими изменениями стихотворение «Аввакум в Пустозерске». Во-вторых, машинопись с текстом этой, как называл ее автор, «маленькой поэмы» в авторской редакции, также с дарственной надписью автора. Книга и машинопись хранятся в мемориальном кабинете В. И. Малышева в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В-третьих, два письма, отправленные Шаламовым Малышеву в августе 1967 года.² Наконец, неизданная при жизни и, по-видимому, незавершенная статья Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов», в которой процитирован фрагмент стихотворения Шаламова «Аввакум в Пустозерске» и содержится его краткий анализ, а также сообщаются связанные с ним факты, о которых автор мог узнать из письма Шаламова.³ Что касается писем Малышева к Шаламову, то дополнительных сведений о них не найдено; ни в воспоминаниях, ни в переписке, ни в тетрадях для записей Шаламов Малышева ни разу не упоминает. Местонахождение книги Малышева «Повесть о Сухане»,⁴ за присылку которой Шаламов благодарит ее автора во втором письме, неизвестно.

Прежде чем перейти к описанию двух первых источников, необходимо напомнить, что выдающейся заслугой В. И. Малышева перед отечественной наукой стало создание Древлехранилища в Пушкинском Доме в Ленинграде. При этом особый интерес он питал к жизни и деятельности протопопа Аввакума, которому посвящены его многочисленные научные работы, а также публицистика. Отдельного упоминания заслуживают инициативы Малышева по увековечению памяти об Аввакуме и Пустозерске, с которым связан последний период его жизни: он добился установки обелиска в обезлюдевшем Пустозерске, предложил назвать в честь этого города одно из новых судов Северного морского пароходства, с его подачи в Нарьян-Маре появилась Пустозерская улица.⁵ У Малышева был также замысел установки памятника протопопу

* Автор выражает глубокую признательность В. В. Есипову и С. М. Соловьеву за неоценимую помощь, оказанную при подготовке статьи, а также Т. Н. Галашевой — за предоставленные материалы.

¹ Шаламов В. Т. Дорога и судьба: Книга стихов. М., 1967.

² Оба письма, а также один почтовый конверт с пометкой «Об Аввакуме» хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ: Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1338. Л. 1–3. Первое письмо частично опубликовано: Гречишкин С. С., Маркелов Г. В. В. И. Малышев в переписке с деятелями советской культуры // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 293–294.

³ Текст статьи находится в рабочей (неразобранной) части архива в мемориальном кабинете В. И. Малышева в Древлехранилище Пушкинского Дома; опубликовано: Галашева Т. Н. Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. 65. С. 768–777.

⁴ Малышев В. И. Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956.

⁵ Тунгузов А. А. В. И. Малышев в Пустозерске // Древлехранилище Пушкинского Дома. С. 274–277.

Аввакуму в Пустозерске, но он не был осуществлен. Своеобразную и важную форму передачи памяти о знаменитом писателе-раскольнике ученый усматривал в творчестве русских поэтов, писателей и общественных деятелей. На протяжении многих лет он собирал материалы для библиографии упоминающих протопopa Аввакума литературных произведений, а также отзывы на них. Частично эти наблюдения публиковались в его статьях уже с начала 1950-х годов.⁶ Им составлено несколько библиографических списков. К ним относится перечень «Протопоп Аввакум в русской поэзии XVIII–XX вв. (материалы к библиографии)»,⁷ в котором перечислены произведения, не проанализированные в статье «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». Кроме того, им был подготовлен «Список неопубликованных стихотворений советских поэтов»,⁸ в котором упоминается и «Аввакум в Пустозерске» Шаламова с пометкой «расширенный сравнительно с напечатанным вариант», а также стихотворение «Все те же снега Аввакумова века...», полностью процитированное Шаламовым в своем письме. Именно в контексте исследования Малышевым образа Аввакума в современной поэзии завязалась и происходила короткая переписка с Шаламовым.

Как свидетельствует обширное эпистолярное наследие Малышева, с некоторыми из авторов он был знаком лично или по переписке. Его корреспонденты обычно дарили ему свои книги и копии своих произведений, в том числе неопубликованные. Здесь Малышев выступал в привычном амплу собирателя, но уже современных произведений. Рукописи и машинописи стихов, в которых фигурирует протопоп Аввакум, ученый хранил в специальной папке в «аввакумовском шкафу» в своем рабочем кабинете в Пушкинском Доме. В ней имеется упомянутая выше машинописная копия стихотворения Шаламова «Аввакум в Пустозерске», на пяти листах с дарственной надписью автора, сделанной шариковой ручкой:

«Владимиру Ивановичу Малышеву,
аввакумоведу с уважением.
В. Шаламов
18 июня 1967».

Аналогичная дарственная надпись (без дня, но с указанием города: «Москва июнь 1967») сделана и на авантитуле сборника Шаламова «Дорога и судьба». Наличие двух текстов — книжного и машинописного — объясняется тем, что в книге стихотворение «Аввакум в Пустозерске» было напечатано в сокращении и с редакторскими изменениями. Очевидно, Шаламов считал необходимым показать Малышеву авторский вариант. По сравнению с машинописью в книжной публикации есть ряд отличий: слова «Господь» и «Бог» написаны со строчной буквы,⁹ изменены отдельные слова («Мне» вместо «Нам» в строфе 7, «И» вместо «Нам» в строфе 10), включены только 25 из 37 строф. В машинописи эти расхождения отмечены карандашом рукой Малышева: замены слов обозначены как «варианты с печатным текстом», а отсутствующие строфы — «в печ. нет», «нет».¹⁰

Каким образом эти книга и машинопись оказались у Малышева, можно только предполагать. Очень вероятно, что о стихотворении «Аввакум в Пустозерске» ему по-

⁶ К этим материалам обращались также некоторые коллеги Малышева. См.: *Галашева Т. Н.* Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». С. 762.

⁷ Опул.: Там же. С. 778–781.

⁸ Опул.: Там же. С. 777–778.

⁹ Так же, как в беловых автографах, хранящихся в РГАЛИ: Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 87. Л. 54–64.

¹⁰ Еще одна особенность машинописи — написание слова «Пустозерск» через «ё» — «Пустозёрск» в заглавии и далее в тексте (во второй строфе). В специализированных справочных изданиях, например во втором издании Географического энциклопедического словаря под редакцией А. Ф. Трешникова 1989 года и в третьем издании под редакцией В. М. Котлякова 2003 года, — Пустозерск. Так же в Большой российской энциклопедии 2015 года издания, где, однако, сообщается, что с последней трети XX века распространено написание Пустозёрск. Ошибочное с исторической точки зрения написание через ё встречается в некоторых изданиях, например в справочнике: *Этнонимы* / [Отв. ред. В. А. Никонов]. М., 1970. С. 201. Во всех имеющихся в архиве Шаламова автографах — «Пустозерск», что позволяет предположить, что ошибка в машинописи была допущена при наборе текста.

ведал А. В. Храбровицкий, которого Шаламов поблагодарил за знакомство с выдающимся ученым в своем первом письме. В пользу этого предположения свидетельствует также сообщение Т. Н. Галашевой о том, что Храбровицкий делал для Малышева выписки об Аввакуме из разнообразных источников.¹¹ Из воспоминаний Храбровицкого следует, что он впервые встретился с Шаламовым в 1966-м или 1967 году и общался с ним около двух лет.¹² Принимая во внимание даты в дарственных надписях в книге и машинописи и тот факт, что в первом письме к Малышеву от 2 августа 1967 года Шаламов пишет, что отвечает «много позже», возможно выстроить следующую хронологию событий. Примерно весной 1967 года Храбровицкий сообщил Малышеву об опубликованном в сборнике «Дорога и судьба» стихотворении об Аввакуме, тот адресовал Шаламову письмо,¹³ в котором попросил рассказать о своем произведении. Со своей стороны Шаламов передал Малышеву дарственный экземпляр своей только что изданной книги и машинопись с авторским вариантом стихотворения, но, как следует из его письма, ответил Малышеву по существу его вопросов с некоторой задержкой (вероятно, через два-три месяца). В знак благодарности Малышев послал Шаламову экземпляр своей книги «Повесть о Сухане», который последний упоминает в своем втором письме от 13 августа 1967 года, и на этом их контакт, по-видимому, прервался.

Можно с уверенностью сказать, что внимание выдающегося филолога-аввакумоведа — как справедливо называет Малышева Шаламов в упомянутых выше дарственных надписях — к только что изданной поэме было для Шаламова ценным выражением признания и побудило его дать глубокий и подробный ответ. Известно, какое большое значение он придавал этой «маленькой поэме». В авторском комментарии к своим опубликованным (или предполагавшимся к публикации) стихам, сделанном на рубеже 1960–1970-х годов, об этом произведении он написал: «Одно из главных моих стихотворений».¹⁴ Всем этим объясняется серьезность, с которой он отнесся к ответу на поставленные Малышевым вопросы, и его исповедальный тон. Как именно звучали эти вопросы, можно судить по ответу Шаламова. По-видимому, они были идентичны тем, которые Малышев задавал другим своим корреспондентам-поэтам, обращавшимся в своем творчестве к образу Аввакума, от чего список вопросов приобрел как бы стандартную форму. Его интересовало, есть ли у автора еще произведения об Аввакуме, затем, почему автор обратился к фигуре опального протопопа и др. Прежде всего Шаламов сообщает об исключительных обстоятельствах и мотивах написания стихотворения «Аввакум в Пустозерске». Затем он помещает его в круг других своих стихотворений на тему раскола, а также противопоставляет его произведениям об Аввакуме других поэтов (Д. Мережковского и М. Волошина). Наконец, полемизируя с Белинским и Маяковским, Шаламов подчеркивает важные для него моменты в поэтике стихотворения и раскрывает свое отношение к герою, проливая свет на замысел произведения. Тем самым письмо Шаламова как по форме, так и по содержанию выходит далеко за рамки сухой анкетной реплики, хотя в нем есть такие слова, как «теперь отвечаю на первый вопрос», «второй вопрос — почему Аввакум?». Шаламов проявил себя как поэт, пишущий прозу, дав многогранный, развернутый и в то же время лаконичный цельный ответ.

Шаламов сообщает, что заинтересовавшее Малышева стихотворение «Аввакум в Пустозерске» написано после возвращения с Дальнего Севера, где он отбывал заключение. Оно включает два срока — по сфабрикованному делу о «контрреволюционной троцкистской деятельности» в 1937 году (на пять лет) и ложному обвинению в «антисоветской агитации» в 1943 году (на десять лет). Досрочно выйдя на свободу в октябре 1951 года, он был вынужден провести около двух лет в Якутии, работая

¹¹ Галашева Т. Н. Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». С. 764.

¹² Храбровицкий А. В. Очерки моей жизни. Дневник. Встречи / Вступ. статья., сост., подг. текста и комм. А. П. Шикмана. М., 2012. С. 207–208.

¹³ Шаламов упоминает его в конце своего первого письма. Это письмо не сохранилось.

¹⁴ Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. В. В. Есипова. СПб., 2020. Т. 1. С. 529.

вольнонаемным фельдшером в дорожном управлении Дальстроя. Таким образом, время пребывания Шаламова на Колыме составило около семнадцати лет, как он и пишет в своем письме Малышеву. Еще будучи заключенным, в 1949–1950 годах, почти полтора года Шаламов работал в лесной командировке на ключе Дусканья, где жил в отдельной избушке, в которой был обустроен фельдшерский пункт. Здесь впервые за двенадцать лет у него появилась возможность уединиться и сочинять стихи.¹⁵ Именно тогда им написаны другие упоминаемые в письме стихотворения — «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», а также целиком процитированное короткое стихотворение «Все те же снега Аввакумова века...».¹⁶ Последнее из них содержит глубокое философское обобщение: из заснеженного пейзажа Колымы поэт создает символ слияния исторических эпох — мотив, который зазвучит в полный голос в эмоциональном монологе «Аввакума в Пустозерске».¹⁷ Другие же три стихотворения, которые Шаламов называет в своем письме, образуют небольшой поэтический цикл на историческую тему о расколе. Шаламов подчеркивал тесную связь между ними, когда в авторском комментарии к стихотворению «Боярыня Морозова» отметил: «В русской истории наибольшую твердость, наибольший героизм показали старообрядцы, раскольники. Вот о них-то и написана „Боярыня Морозова“, о них-то и написано „Утро стрелецкой казни“ и моя маленькая поэма „Аввакум в Пустозерске“».¹⁸

Что касается стихотворений «Утро стрелецкой казни» и «Боярыня Морозова», то оба они вдохновлены картинами В. И. Сурикова и по неосуществленному плану должны были войти в цикл «Третьяковская галерея» в сборнике «Пять времен года». В конечном счете Шаламов включил их в цикл «Сумка почтальона», где они следуют друг за другом. Кроме того, что они были одними из первых записанных на Колыме стихотворений, в своем комментарии поэт указал на тесную связь между ними, а также со стихотворением «Данте»: «...это поиски аналогии к историческим образам прошлого, выражение симпатий и антипатий на историческом материале и в то же время проверка на себе: годятся ли те герои для меня? Или для меня годятся только деревья, скалы, река?»¹⁹

То же стремление узнать себя в образах прошлого характерно и для «Аввакума в Пустозерске». В письме к Малышеву Шаламов высказывает исключительно важную мысль, объясняющую его выбор именно Аввакума в качестве героя этого стихотворения: «Сюжет „Жития“ берется по сходству, по связи живых судеб». Далее он решается на откровенное признание: «Аввакум — это я».²⁰ Намеки на это слияние личного и исторического содержатся и в комментарии к этому произведению, сделанном на рубеже 1960–1970-х годов, где он написал: «Формула Аввакума здесь отличается от канонической. Стихотворение мне особенно дорогое, ибо исторический образ соединен и с пейзажем, и с особенностями авторской биографии».²¹ Как видно из этих слов, поэт отличал «образ» от «формулы». Можно заметить, что когда в своих текстах Шаламов

¹⁵ Есипов В. В. Шаламов. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 200–201.

¹⁶ Ср. эссе Шаламова 1969 года «Кое-что о моих стихах»: «Стихи, датированные 1949 и 1950 годами, — взяты мной из тетрадей, писанных летом 1949 года, зимой 1949/50 и летом 1950 годов. С осени 1950 года до осени 1951 года я писать стихов почти не имел возможности» (Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. + т. 7, доп. М., 2013. Т. 5. С. 108).

¹⁷ В этом маленьком четверостишии исследователь творчества и биограф Шаламова В. В. Есипов слышит «мотив некоей обреченности, некоей вечной неизменности исторической судьбы России» (Есипов В. В. «Она еще жива, Расея...» (Мотивы русской истории в «Колымских тетрадах») // Закон сопротивления распаду: Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века: Сб. науч. трудов / Сост. Л. Бабка, С. Соловьев, В. Есипов, Я. Махонин. Прага: М., 2017. С. 28).

¹⁸ Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 509.

¹⁹ Там же. С. 507.

²⁰ Слияние, порой до неразличимости, фактов собственной биографии, личного опыта и чужой судьбы — прием, характерный также для поэтики рассказа Шаламова «Шерри-бренди», написанного в 1954 году. В нем описывается смерть О. Мандельштама, при этом Шаламов отмечает, что «это рассказ о самом себе» (см. письмо 1971 года И. Сиротинской: Шаламов В. Т. Собр. соч. Т. 6. С. 486). В других рассказах тоже так или иначе отражен его собственный опыт — в соответствии с его принципом «прозы, пережитой как документ».

²¹ Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 529.

говорит о «формуле», то он имеет в виду высказывание, облеченную в слова мысль. В отличие от этого, «образ» существует на другом уровне, это более широкое понятие; будучи историческим, он включает личность, поступки и обстоятельства, из которых он вырастает и складывается в некое целое. В свете этого различия следует понимать несовпадение высказываний, которые Шаламов вкладывает в уста своего Аввакума, с теми, что содержатся в «канонических», т. е. собственных текстах Аввакума. Согласно письму Малышеву, Шаламов наличие этого несовпадения прекрасно осознавал, говоря о начальных строках своего произведения: «Это не из Аввакума и не по Аввакуму». Точно так же он намеренно помещает исторический образ пустозерского раскольника в совершенно иную природную среду, отчего его герой как бы переносится на Колыму, т. е. в места заключения самого поэта, и оказывается посреди горного пейзажа, где нет птиц и т. д. Укрепляет «связь живых судеб» автобиографическая отсылка в словах «Я — узник темничный / Четырнадцать лет», которые справедливы по отношению как к Аввакуму, так и к Шаламову.

В отличие от стихотворений на тему раскола, написанных в заключении, эта «маленькая поэма» появилась уже при других обстоятельствах. До своей реабилитации в 1956 году Шаламов не имел права проживать в Москве. С ноября 1953 года по октябрь 1956 года он живет в поселках Туркмен и Озерки Калининской (ныне Тверской) области. Здесь он работает агентом по снабжению на Решетниковском торфопредприятии, находя возможность для кратковременных визитов в Москву, где встречается со своей семьей, Б. Л. Пастернаком и др. На это время приходится очень плодотворный творческий период в жизни Шаламова, когда он написал примерно половину тех стихов, которые вошли в «Колымские тетради», а также первые «Колымские рассказы».²²

Как поэт сообщает в первом письме Малышеву, с биографией протопопа Аввакума он был знаком с детства.²³ Живя в поселке Туркмен, он мог читать какие-то сочинения о расколе и, по его выражению, «вернуться к Аввакуму», поскольку там имелась довольно богатая библиотека классической литературы, основанная сыльным инженером Н. В. Кураевым.²⁴ В авторском комментарии «Аввакум в Пустозерске» датируется 1955 годом, тогда как в письме названа другая дата — 1954 год. Данное расхождение может объясняться тем, что, как подчеркивает Шаламов в тексте «Кое-что о моих стихах», датой создания любого своего стихотворения считал первую его запись.²⁵ Фактически, судя по архивным материалам, доработка продолжалась и в 1955 году.²⁶ К 1954 году относится также еще одно стихотворение на тему раскола — «Не успокоит, не согреет...», а также написанное предположительно в том же году стихотворение «Твои речи — как олово...», в котором упоминается двуперстное крестное знамение. В этих условиях, когда Шаламов еще не вернулся в Москву и будущее для него, бывшего заключенного, было весьма туманным, раскольники и самый знаменитый из них, Аввакум, стали для него нравственным ориентиром и примером упорства и сопротивления. Именно в этом ключе Шаламов описывает в своем письме замысел создать произведение о знаменитом протопопе: «„Аввакум“ — это попытка очертить круг нравственных правил для бывшего арестанта — ничего не забыть, ничего не бояться и в этом видеть свою силу и свою судьбу». Даже после освобождения из заключения, но не имея права проживать в Москве, а значит, еще не вполне свободный, Шаламов снова обращается к теме раскола и говорит устами непримиримого Аввакума и в то же время от своего лица, голосом поэта трагического XX века.

О восприятии Малышевым «Аввакума в Пустозерске» можно судить по его уже упомянутой выше статье «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». Как

²² Есипов В. В. Шаламов. С. 209.

²³ Это свидетельство подтверждает высказанное Есиповым предположение, что Шаламов мог познакомиться с «Житием» Аввакума еще в раннем возрасте в Вологде. См.: Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 527–528.

²⁴ В мемуарном очерке Шаламова «Слишком книжное» он неточно назван Караевым. См.: Шаламов В. Т. Собр. соч. Т. 7. С. 60–62.

²⁵ Там же. Т. 5. С. 109.

²⁶ Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 529.

заявляет ее автор, не ставя перед собой цель осуществить полный художественный анализ, он ограничился исследованием вопроса о том, «насколько правильно и полно понят поэтами Аввакум как личность в его связи с исторической действительностью».²⁷ Ученый рассмотрел опубликованные в период с 1918 по 1969 год произведения более чем двадцати поэтов — М. Волошина, Н. Клюева, О. Берггольц, В. Федорова, Е. Евтушенко, Я. Смелякова и др. Поскольку Малышев имел задачу изучить творчество только советских авторов, он не включил известные ему произведения на русском языке, изданные за рубежом, и решил ограничиться только уже напечатанными произведениями. Этим объясняется то, что он не упоминает неизданное на тот момент стихотворение «Все те же снега Аввакумова века...» и цитирует большой фрагмент «Аввакума в Пустозерске» (семь четверостиший) по сокращенной версии сборника «Дорога и судьба», а не по полному тексту машинописи, который был в его распоряжении.

В своей статье ученый высоко оценивает стихотворение Шаламова, отмечая его своеобразие «по форме и содержанию». Это произведение он называет «исповедью Аввакума» и выявляет в нем, можно сказать, два плана: исторический и автобиографический. С одной стороны, Малышев пишет, что герой стихотворения высказывает свои «взгляды на существо и характер церковных реформ, сущность полемики, которая простирается далеко за пределы церковной проблематики». Он приходит к выводу, что — подобно другим поэтам, для чьих произведений, по его мнению, характерен последовательный историзм, — «автор видит в Аввакуме героя народной борьбы»,²⁸ и в этом смысле интерпретирует отсылку к произведению Ш. де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле» в заключительной строфе («пепел, стучащий / В людские сердца»). С этой точки зрения он противопоставляет произведению Шаламова стихотворение «Сибирская родословная, или Сказания о Братском остроге» Михаила Скуратова,²⁹ в котором, по его словам, Аввакум понимается как исключительно религиозный деятель. С другой стороны, Малышев отмечает, что «стихотворение носит следы автобиографичности, авторского раздумья над некоторыми вопросами современной жизни», но не касается их. Малышев обошел молчанием привнесенные Шаламовым в образ Аввакума и его «формулу» субъективные, автобиографические элементы и, по-видимому, не считал их недостатком. Подытоживая, он дает такую характеристику: «В. Шаламов правдиво подходит к объяснению личности Аввакума. Образ Аввакума у него получился яркий, запоминающийся». Вместе с тем он не мог не обратить внимание на, по его выражению, «вольное обращение с отдельными фактами». И хотя при анализе некоторых других произведений Малышев останавливался на исторических и других несоответствиях более подробно и не скупился на критику, однако в случае Шаламова он посчитал достаточным указать только на один такой факт («протопопу никогда и нигде ноздрей не вырывали»³⁰).

Записные книжки Шаламова 1960-х годов свидетельствуют о том, что и после написания «Аввакума в Пустозерске» в его философско-поэтическом сознании сохранялась связь с личностью «огнепального» протопопа. В 1963 году он сделал такую запись: «Жанна д'Арк. Костер сделал ее бессмертной, как Бруно, Аввакума».³¹ О том, насколько глубоко личной была эта связь, говорит запись 1966 года, которая, вероятно, отражает безуспешные попытки напечатать свои произведения, в том числе

²⁷ Галашева Т. Н. Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». С. 777.

²⁸ Об этой стороне многогранного образа Аввакума вологодский филолог Ю. В. Розанов делает сходный вывод: «Шаламовский Аввакум — это Аввакум образца 1920-х годов, Аввакум в марксистском историографическом освещении» (Розанов Ю. В. Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова и В. Т. Шаламова // К столетию со дня рождения Варлаама Шаламова: Материалы междунар. науч. конф. М., 2007. С. 310). В своей статье Малышев следует этой, ставшей к концу 1960-х годов официальной, советской историографической традиции.

²⁹ Скуратов М. На рубеже времен: Стихотворения и поэмы. М., 1963. С. 126–130.

³⁰ Галашева Т. Н. Неизданная статья В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в творчестве советских поэтов». С. 771–772.

³¹ Шаламов В. Т. Собр. соч. Т. 5. С. 285.

«Колымские рассказы»: «Мне нужно сжечь себя, чтобы привлечь внимание».³² Небезынтересно отметить, что некоторые современники Шаламова усматривали нечто значительное в его манере держаться, выдававшей сущностные черты его характера. Так, Вяч. Вс. Иванов, хорошо знавший Шаламова, описывая его облик в то время, когда неврологическая болезнь уже изрядно подточила здоровье поэта, вспоминал: «И эта высоченная фигура, все составные части которой двигались порознь, была сверхдухотворенной».³³ Он передает также слова Н. Я. Мандельштам, которая поделилась с ним своими впечатлениями от встречи с Шаламовым, внешность которого напомнила ей «современную авангардистскую скульптуру из железа».³⁴ А одному из присутствовавших на вечере памяти Осипа Мандельштама в МГУ в 1965 году Шаламов, читавший на сцене свой рассказ «Шерри-бренди», напомнил не кого иного, как самого Аввакума.³⁵ Эти яркие свидетельства говорят о том, что он вызывал у окружающих такое ощущение, будто по-аввакумовски непримиримый характер и неистовость в стремлении к правде наполняли саму его плоть.

В заключение укажем на одно исправление, которое Шаламов сделал в конце своего первого письма, где он пишет: «Я смею надеяться, что эмоциональный заряд этой маленькой поэмы не пропадет даром и поэма будет оценена не как очередное изложение „Жития“, а как поэтическая мета современности, в переключке извечных русских сюжетов». В машинописи просматриваются зачеркнутые буквы «ст» в слове «известных», а над ними от руки написана буква «ч».³⁶ Можно предположить, что Шаламов остановился на варианте «извечные сюжеты», потому что «известные сюжеты» звучит как недомолвка, намек на политические репрессии, которым он подвергся, тогда как слово «извечные» подчеркивает и усиливает трансисторическую связь, которую ощущал Шаламов с героем своей поэмы. Преследования, вызванные внутрицерковным расколом конца XVII века, и те, что были вызваны внутрипартийным расколом в рядах большевиков в 20-х годах XX века, предопределившим судьбу таких людей, как Шаламов, и есть те переключаются в его поэтико-философском сознании сюжеты российской истории, которые нашли выражение в его глубоко личном образе Аввакума.

Ниже публикуются два письма Шаламова к Малышеву по материалам, отложившимся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1338. Л. 1–3). Первое письмо подписано автором. Текст, начиная со слова «Москва», написан от руки. Некоторые предложения и отдельные слова подчеркнуты, очевидно, Малышевым. Второе письмо — автограф. Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Вставки и вычеркивания оговариваются в сносках в тех случаях, когда это важно для понимания смысла. Пунктуация в цитируемых стихотворениях приведена по изданию: Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб., 2020. За помощь в получении доступа к документам публикатор выражает благодарность наследнику авторских прав В. Т. Шаламова А. Л. Ригосику.

1

Дорогой Владимир Иванович.

Я отвечаю Вам много позже, чем должен был — нездоровье мешало. Вот уж никогда не думал, что мне случится возвращаться к строю своих чувств и мыслей того

³² Там же. С. 296.

³³ Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2. С. 740.

³⁴ Там же.

³⁵ Есипов В. В. Шаламов. С. 266.

³⁶ Слово «известных» фигурирует в обширной цитате из этого письма в статье: Гречишкин С. С., Маркелов Г. В. В. И. Малышев в переписке с деятелями советской культуры. С. 294.

времени, когда писался «Аввакум». ¹ А ведь вернуться для ответа — для сколь-нибудь серьезного ответа — значит вернуться в настроение, в границы, в надежды, разочарования и тщеты.

«Аввакум» написан в 1954 году, в поселке Туркмен недалеко от ст. Решетниково Калининской железной дороги, где я, вернувшись на материк² и не имея права жить в Москве, работал агентом по техническому снабжению и писал, писал, писал день и ночь. После семнадцатилетнего заключения.

«Аввакум» написан в один день, вернее в одни сутки, почти набело.

«Аввакум» — это попытка очертить круг нравственных правил для бывшего арестанта — ничего не забыть, ничего не бояться и в этом видеть свою силу и свою судьбу.

Теперь отвечаю на первый вопрос. Есть. Это стихотворение из «Колымских тетрадей»,³ небольшое. Вот оно:

«Все те же снега Аввакумова века.
Все та же раскольничья злая тайга,
Где днем и с огнем не найдешь человека,
Не то чтобы друга, а даже врага».⁴

Есть у меня «Боярыня Морозова» и «Утро стрелецкой казни».⁵ Оба эти стихотворения написаны на Колыме, недалеко от Оймякона, полюса холода, не то в 1949, не то в 1950 году, в лагере. Эти стихотворения входят в т. н. «Синюю тетрадь» — первую из шести «Колымских тетрадей». «Боярыня Морозова» печаталась в «Огнive»,⁶ а «Утро стрелецкой казни» — в сборнике «Дорога и судьба»⁷ вместе с «Аввакумом».

Второй вопрос — почему Аввакум? Я знаком с этой биографией с детства. Толстый голубоватый том какого-то церковного писателя возникает из тумана детских воспоминаний. Какие-то комментарии к Житию.

Разумеется, высшая поэзия самого Жития захватила меня уже взрослым, много позже. Я стал видеть в Аввакуме одного из великих русских прозаиков, наравне с Гоголем и Достоевским.

Но и без этого чувства, без этого размышления я написал бы об Аввакуме.

Вернуться к Аввакуму дала мне повод моя собственная жизнь.

Я имел право написать об Аввакуме так, как хотел, понимал, толковал, знал и мог.

Современных поэтов, пишущих об Аввакуме, я не знаю, да и есть ли сейчас стихи? Стихи — это ведь дело очень серьезное, это живая кровь, судьба.

Я знаю сочинения об Аввакуме Мережковского⁸ и Волошина.⁹ И Мережковский, и Волошин не были поэтами большими. Их стихотворное изложение ЖИТИЯ не представляется мне убедительным. Художественно обе поэмы недостаточны. Ни тот, ни другой автор не сделали и попытки выйти за материал ЖИТИЯ. Каждый пересказал ЖИТИЕ в меру своих сил и способностей. Попытка применить модные в начале века бальмонтские интонации для изложения ЖИТИЯ потерпела полный провал. Высшая поэзия Аввакумова жизнеописания исчезла.

Вернемся к «Аввакуму в Пустозерске». Сюжет Жития берется по сходству, по связи живых судеб. Аввакум — это я, и с первой строфы я пытался это объяснить: «Не в бревнах, а в ребрах церковь моя».¹⁰ Это не из Аввакума и не по Аввакуму. Кажется, из Поморских ответов,¹¹ и далее: «Для божьего взгляда Обряд — ерунда», «Наш спор не церковный» и так далее. Так Аввакум бы не сказал. В Житии нет горного ветра. Нет брусничного цвета. Нет терпеливых скал. Не могут быть написаны строки: «Здесь птичьего пенья никто не слыхал».

По тем же причинам я не воспользовался курочкой рябой.

Звуковой строй «Аввакума в Пустозерске» особым образом обдуман и проверен.

Белинский и Маяковский считали, что короткой строкой можно писать только о веселом. Большею чуши и выдумать нельзя. Размер «Аввакума» емче гекзаметра. Почему я обращаю внимание на эти «технические подробности». Потому что для поэта в любом его стихотворении всегда стоит задача новизны, борьбы со словом, сражения и победы. Маленькая поэма «Аввакум в Пустозерске» вооружена всеми достижениями поэтической техники русской лирики середины двадцатого века.

«Аввакум в Пустозерске» — это современность, сегодняшний день. Я смею надеяться, что эмоциональный заряд этой маленькой поэмы не пропадет даром и поэма будет оценена не как очередное изложение «Жития», а как поэтическая мета современности, в переключке извечных¹² русских сюжетов.

Я прошу прощения за задержку ответа на Ваше любезное письмо. Благодарю А. В. Храбровицкого¹³ за знакомство с Вами.

С глубоким уважением [подпись от руки]
/В. Шаламов/

Москва 2 августа 1967 г.

Совсем забыл сказать. У меня нет никаких книг по расколу, и древнерусских рукописей я никогда не собирал.

В. Ш.

¹ Речь идет о поэме «Аввакум в Пустозерске», которая по замыслу Шаламова завершает цикл «Златые горы», четвертую из «Колымских тетрадей».

² Под возвращением на «материк» Шаламов подразумевает свое возвращение с Дальнего Севера в европейскую часть России.

³ Поэтический цикл из шести частей. Приведенное ниже четверостишие входит в «Синюю тетрадь», которую Шаламов упоминает далее в связи с двумя другими стихотворениями.

⁴ Стихотворение входит в «Синюю тетрадь», первую из «Колымских тетрадей». Впервые опубли.: *Шаламов В. Т.* Колымские тетради / Сост., подг. текста и прим. И. П. Сиротинской. М., 1994. С. 25.

⁵ Оба стихотворения входят в цикл «Сумка почтальона», вторую из «Колымских тетрадей».

⁶ Первая книга стихов: *Шаламов В. Т.* Огниво: Стихи. М., 1961.

⁷ Третья книга стихов: *Шаламов В. Т.* Дорога и судьба: Книга стихов. М., 1967.

⁸ Поэма Д. С. Мережковского «Протопоп Аввакум» впервые вышла в сборнике: *Мережковский Д.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 113–167.

⁹ Первое издание поэмы М. А. Волошина «Протопоп Аввакум» см.: Родная земля (Киев). 1918. № 1. С. 13–31.

¹⁰ В этой и следующих цитатах из поэмы в тексте письма знаки препинания отсутствуют. Перенос строки здесь никак не отмечен, но в следующей цитате начало строки отмечено заглавной буквой.

¹¹ «Поморские ответы» — полемико-догматическое сочинение старообрядцев-беспоповцев, составленное в 1723 году книжниками Выго-Лексинского общежития в ответ на 106 вопросов синодального миссионера иеромонаха Неофита, направленного к старообрядцам в Олонецкий уезд Петром I.

¹² Здесь имеется исправление, сделанное от руки: просматривается первоначальное слово «известных», в котором буквы «ст» зачеркнуты, а над ними написана буква «ч».

¹³ Храбровицкий Александр Вениаминович (1912–1989) — литературовед, исследователь творчества В. Г. Короленко, краевед, автор воспоминаний: *Храбровицкий А. В.* Очерки моей жизни. Дневник. Встречи. М., 2012.

2

Дорогой Владимир Иванович.

Благодарю за «Повесть о Сухане». ¹ Книга только вчера до меня добралась.

Сердечный Вам привет

С уважением В. Шаламов

Москва 13 августа 1967

¹ *Малышев В. И.* Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956.